

ший сочинения, которые показывают в нем ясный и, по-видимому, твердый и положительный ум, он, как часто случается с людьми переходной эпохи, не окончивал своих начинаний, брался за все и на полдороге бросал начатое. Он вмешивался во все войны Европы и ни одно из этих предприятий не приводил к концу; под конец жизни он вздумал, чтобы выбрали его папой: таким образом, единство и порядок, говорил он, соединятся в Европе на самых прочных основах, ибо две высшие должности соединятся в одном лице. Но именно этот тревожный, беспокойный характер послужил в пользу династии Габсбургской. Многочисленные затеи Максимилиана поставили ее в сердце европейской политики и связали ее со всеми политическими вопросами. <Сказанного доселе достаточно, чтобы показать ту роль, какую могла играть Германия в событиях, начинающих новую историю>.

Из государств, принадлежавших германскому племени, остается упомянуть о Скандинавском полуострове. В 15 столетии роль его ничтожна. Кальмарский союз, соединивший в конце 14 столетия три государства, не уничтожил, однако, племенной ненависти шведов с датчанами. Подчинение Швеции Дании существовало, собственно, только на словах. Швеция считалась принадлежностью датского короля, но у нее был свой правитель, управлявший в ней с такою же властью, как король датский в Дании. Карл Кнудсон в половине 15 столетия сделал попытку провозгласить себя королем, но <эта попытка не удалась по смерти его>. Швеция опять примкнула к Дании. Швеция^а была довольна Кальмарским союзом, ставившим ее в зависимость от далекого, не имевшего большого влияния короля. Из государей Ольденбургского дома ни один не имел тогда достаточного таланта, чтобы привязать Швецию крепче. Но монархическая власть в этом государстве не сделала тех успехов, какие она сделала во Франции и Англии. Привилегии аристократии были не тронуты и далеко превосходили объем государственной власти. Состояние прочей Европы 15 столетия испытала Швеция только в 16 и 17 столетиях.

Из государств славянских только два обращали внимание Европы — Польша и Чехия. Первая еще могущественная, с воинственным народонаселением, на огромном пространстве царства Польского и великого княжества Литовского. Но в ней встречаются явления, которые отчасти были в Германии, а может быть, еще в худшей степени. Она не могла управиться с недостатком внутреннего устройства; в правлении не было единства, силы государства не могли быть собраны к одной цели^б. Многочисленная, непокорная, своевольная шляхта ограничивала власть короля и препятствовала самым благим начинаниям. Только в битвах против врагов оказала она услуги. Назначение Польши было, по-видимому, удерживать

^а В II: Причиною были особые интересы шведской аристократии, которая была весьма (л. 28 об.).